

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 811.111+81'276.6:34+81'286

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЛИНГВОАРЕАЛЬНОМ РАКУРСЕ: ЮРИДИЧЕСКИЙ ЕВРОАНГЛИЙСКИЙ

С.В. Власенко

Национальный исследовательский ун-т
«Высшая школа экономики» (Москва)

В статье рассматривается правовая коммуникация в контексте современного лингвоареала английского языка, включающего, в частности, такие вновь образовавшиеся варианты, как евроанглийский. Приводятся примеры юридических терминов на «английских языках», иллюстративные с точки зрения сосуществующих предпочтений и тенденций параллельной номинации, характерной для британской, американской и евроанглийской правовых и, соответственно, терминологических традиций.

Ключевые слова: евроанглийский, новые английские языки, параллельная терминологическая номинация, правовая коммуникация, юридическая речь, юридическая терминология

*Вся многоплановая и разноаспектная терминологическая деятельность имеет своей целью достижение профессионального понимания между специалистами любой отрасли знания, независимо от их родного языка и места жительства.
А.И. Суперанская, 1993*

Активно протекающие в мире процессы глобализации вызывают многочисленные изменения в социальном, политическом и экономическом ландшафтах государств, стремящихся договориться о совместной деятельности по противодействию глобальным природным катаклизмам и антропогенным угрозам: изменению климата, дефициту продовольственных и водных ресурсов, терроризму и т. д. Подобный контекст сказывается и на текущем состоянии языковой культуры как в отдельно взятых странах, так и в группах стран. В этой связи возрастает значимость правовой коммуникации как канала, опосредующего взаимоотношения между государствами, международными и национальными институтами. Вследствие этого, осуществление правовой коммуникации и сопоставимость языков права, используемых представителями разных государств, приобретают особый приоритет, в особенности, в межъязыковом аспекте.

Масштабные международные проекты, осуществляемые государственными органами управления, международными организациями и транснациональными корпорациями, обуславливают востребованность участия представителей юридической профессии, каждый из которых представляет национальную правовую систему. Юридический документооборот, порождаемый в ходе реализации международных проектов, увеличиваясь год от года, формирует правовую базу данных – своего рода коммуникативный остов, отражающий этапы жизни того или иного проекта в правовом измерении.

Английский язык или английские языки?

В современном мире значительная часть взаимодействия международных участников информационного пространства осуществляется на английском языке. Американский лингвист Д. Кристал со ссылкой на языковую статистику утверждает, что уже по состоянию на 1996 г. английский являлся официальным рабочим языком более чем в 1250 международных организациях [29, с. 87]. При этом обращают на себя внимание границы англоговорящего мира, теряющие чёткие очертания: по скромным оценкам ученых-филологов, более 1,5 миллиардов человек в мире по состоянию на 2002 г. говорило на английском языке [цит. раб.]; степень владения языком нерелевантна. Названные и иные факты обусловили международный текущий статус английского как языка-посредника, так называемого *lingua franca* [26, с. 118–120, 324–340; 29, с. 140–146].

Английский язык более не ассоциируется с системой, имеющей одну единственную языковую норму для каждого из двух некогда доминирующих вариантов – британского и американского [21–23]. Современный английский – крупное по лингвогеографическому ареалу языковое образование, чёткое определение границ которого, видимо, потеряло практический смысл, обусловив приоретизацию лингвоарейных, социолингвистических и этнопсихолингвистических исследований по описанию вариантов английского, называемых зарубежными лингвистами «английскими языками» [28; 29; 37].

Наличие большого числа вариантов английского языка, развивающихся в современном мире, попытки описания которых отражены в индивидуальных и коллективных монографиях отечественных и зарубежных лингвистов, служат безусловным подтверждением сложности контекста для рассмотрения взаимодействия любого профессионального сообщества, в том числе правового [4–7; 9–11; 14–16; 24; 25; 27–29; 31; 34; 38; 39; 42, 45].

Так, гонконгский лингвист Э. Керкпэтрик акцентирует внимание на том факте, что английский во всем мире преподается преимущественно не носителями языка, а людьми с «выученным» английским,

вследствие чего один из вопросов современной англистики следует адресовать уточнению языковой нормы и созданию адекватной «образовательной модели английского»¹ [36, с. 1–3]. Данный вопрос обостряется неопровержимым фактом: существованием и функционированием крупного бизнеса, вовлекающего в совместную деятельность огромные конгломераты людей, которые, видимо, и составляют транснациональное корпоративное сообщество. Члены этого сообщества, принадлежащие к одной культуре и не являющиеся англоговорящими, обязаны по долгу службы изъясняться на английском языке. Вследствие этого нетрудно предположить, что географический охват английского поистине глобален. Вопрос о том, какой из вариантов английского является «нормированным литературным языком», или что такое «языковая норма», в отношении английского будет, видимо, через определённое время решаться не в строго классическом ключе, отражая текущую языковую ситуацию.

Размытость границ языковой нормы современного английского языка

Весьма характерно, что современный учебник английского языка, составленный зарубежными англистами Р. Кверком, С. Гринбаумом, Дж. Личем и Я. Свартвиком [30] отражает широкую вариативность речезыковых средств разных вариантов и диалектов английского языка. Вариативность *inter alia* касается схем номинализации, сложных синтаксических построений, расхождений в формах означивания квантификации, в том числе единственного и множественного чисел в стандартном английском и его вариантах, возможности не только двойного, но и множественного отрицания, а также несовпадения грамматических значений препозициональных форм в разных вариантах и др.

Сказанное не может не отражать общих процессов глобализации, которые обуславливают языковую универсализацию: «вымывание» идиоматичности и национальной специфичности из разных языков мира [12; 13; 17; 18; 32–34; 37]. К складывающейся ситуации, видимо, применимо понятие «взаимной культурно-языковой инфильтрации», предложенное отечественными социолингвистами В.А. Виноградовым, А.И. Коваль и В.Я. Пархомовским [2, с. 11].

Помимо названного выше учебника, существует целый ряд системно-грамматических и системно-языковых исследований по современному английскому, в которых фиксируется и описывается целый диапазон системных сдвигов в развивающихся вариантах и возникающих диалектах. К таким работам крупных авторских коллективов следует отнести сборники трудов, объём которых составляет от полутыся-

¹ Второй вопрос относится скорее к лингводидактике в части преподавания иностранного – английского – языка.

чи до двух с половиной тысяч страниц, в частности, *English as a World Language* [31] и исследование, опубликованное в энциклопедическом формате, *A Handbook of Varieties of English* [35]. Последний труд состоит из 2-х томов: первый том посвящён фонологической вариативности английского, а второй – морфо-синтаксической. Небезынтересно отметить, что одна из глав имеет знаменательное название, актуальное для анализируемой нами темы, – «Универсальные характеристики новых английский языков» [35 (2), с. 1192–1193. Перевод наш. – С.В.].

Многоликость современного английского языка не раз подчёркивалась исследователями-англистами. Так, А.С. Петриковская, изучавшая *английский язык тихоокеанского мира* – Австралии и Новой Зеландии, – говорит о смешении языковых вариантов в контексте «единого южнотихоокеанского культурного пространства», по её справедливому заключению являющегося местом встречи Запада и Востока [16, с. 212]. При этом под «встречей» следует понимать в метонимическом или даже метафорическом смысле пересечения и наложения образных компонентов языкового сознания и, как следствие, речевых реализаций. В этой связи полагаем оправданным оперировать указанным выше понятием «взаимной культурно-языковой инфильтрации» [2, с. 11].

Возвращаясь к поставленной нами теме, отметим, что одним из следствий глобализации является универсализация не только финансово-экономического и социально-культурного пространства регионов мира, но и языкового, в частности, терминологического пространства. В целях анализа считаем возможным согласиться с общей оценкой, которую дает американский лингвист Д. Кристал, изучающий языковую глобализацию и доминирующую роль английского языка в этом процессе. Важным для двуязычной коммуникации, по утверждению Д. Кристала, помимо территориальных вариантов английского, являются также особые, новые варианты английского языка, на которых говорят крупные общественно-политические образования, как например *евро-английский* (Euro-English) [29, с. 183]. И утверждение А.С. Петриковской, и утверждение Д. Кристала вполне коррелируют с ещё одним мнением социолингвистов В.А. Виноградова, А.И. Коваль и В.Я. Пархомовского, которые аргументированно отказались от единицы политико-административного деления, и прежде всего от единицы «государство», как неприменимой к целостному описанию языкового ареала, справедливо утверждая несовпадение этнолингвистических и политических границ. Указанные авторы ратуют за конструктивность понятия коммуникативной среды применительно к сложным по своей разнородности языковым коллективам и (или) общностям [2, с. 9–11].

Следует согласиться, что в современном мире речь идёт именно о коммуникативной ситуации как объекте и единице социолингвистической и лингвогеографической парадигм. Представляется, что евроанг-

лийский, прежде всего, обусловлен особой коммуникативной ситуацией, для которой характерна супраязыковая надстройка – общий язык, обеспечивающий взаимодействие между всеми странами-членами ЕС и кандидатами в члены. Ближайшим аналогом можно считать русский язык в СССР, успешно выполнявший роль языка межкультурного общения с 1922 по 1990 гг. на огромной евразийской территории и по-прежнему служащий языком общения на пост-советском пространстве.

Евроанглийский как «неанглийский» английский

Выделяя *евроанглийский* язык, Д. Кристал использует словообразовательную модель по аналогии с такими лексемами, как *евровалюта*, *еврозона*, *евродоллары*, *евробликации*, *евроскептики* и т.п. [29, с. 183]. Автор задаётся вопросом о том, какой общий язык используется представителями Евросоюза для объяснения друг с другом, когда немцы, французы, греки и представители других стран-членов ЕС обсуждают насущные проблемы каждый на своем «английском», содержащем особые признаки интерференции с родными языками. Понятно, что под *общим языком* понимается такой язык, который используют представители Евросоюза для объяснения друг с другом и обсуждения актуальных проблем. Другими словами, *евроанглийскому языку* как своеобразному универсальному английскому на пространстве Евросоюза присуще многообразие гибридных акцентов, вариативность грамматических конструкций и схем построения дискурса.

Языковые коллизии в Европе не оставляют равнодушным не только их непосредственных участников – европейцев-филологов, но и многих лингвистов мира, наблюдающих «внедрение» английского в жизнь неанглофонов.² Неслучайно в этой связи следующее утверждение философа языка и семиотика У. Эко:

² Целесообразно отметить, что в документе Международной экспертной комиссии, подписанном 22 августа 2006 г. и озаглавленном «Заключение Международной эколого-интерлингвистической экспертной комиссии о целесообразности изучения международного планового языка эсперанто в средних и высших учебных заведениях», отражены позиции Центра независимых экспертиз Российского экологического фонда «Техэко», Института языкознания Российской академии наук и отмечено следующее: «В Европейском Союзе, который насчитывает 25 стран с 20 официальными языками, уже сейчас переводческие службы съедают половину бюджета, а в двери Союза стучатся потенциальные новые члены, из-за чего эта нагрузка возрастет ещё резче. В этих условиях европейцы будут вынуждены либо отказаться от провозглашенного в Европейском Союзе принципа равноправия языков, уступив английскому языку, либо принять в качестве вспомогательного средства общения нейтральный международный язык. В первом случае, вряд ли согласятся с отказом от принципа равноправия языков Франция, Германия, Испания, Италия и некоторые другие государства. Во втором случае, европейскую инициативу подхватит весь цивилизованный мир, не исключая Россию. России следовало бы сработать на опережение, чтобы принятие

«Европа... должна считаться со своей исторической ролью, ролью континента, породившего множество языков, каждый из которых, даже самый периферийный, выражает "дух" какой-то этнической группы и передаёт тысячелетнюю традицию. Возможно ли сочетать потребность в языке-посреднике с необходимостью защиты языковых традиций?» [26, с. 352–353].

«Аппроксимированный» характер евроанглийского

Наиболее существенной характеристикой *евроанглийского* является тенденция, согласно которой даже носители английского языка констатируют склонность использовать в межкультурных дискурсах в ЕС свой собственный язык иначе, чем принято в исконных для английского идиоматических речевых шаблонах, формулах и фигурах речи. Здесь речь идёт о не свойственных национальной идиоматике, но предпочитаемых большинством *евроанглоговорящих* речевых шаблонах с упрощёнными синтаксическими построениями, конструкциями и фигурами речи, замедлением темпа речи, т.е. именно так, как обычно изъясняются иностранцы [29, с. 182–182]. Однако подобное речевое поведение не отражает снисходительности англоязычных носителей, проживающих в ЕС, хотя бы потому, что беглость владения евроанглийским (далее – ЕАЯ) жителями ЕС, не являющимися англофонами, может ничем не уступать беглости стандартного английского у его исконных носителей.

По признанию Д. Кристала, идиоматичные способы намерено заменяются неидеоматичными и, поэтому, общедоступными для понимания, например, британская лексема *a fortnight* заменяется общепонятным словосочетанием *two weeks* для «усреднения» и «устранения» национально-специфического элемента означивания, лишая, таким образом, создаваемый «новый» производный язык идиоматики языка исходного, но приближая его к общепонятной – всемирно понятной – норме World Standard Spoken English – WSSE [цит. раб., с. 185].

Подобная языковая политика, настроенная на внешнюю «неприязнательность» англоговорящих, призвана гарантировать максимально широкое усвоение английского языка, его доступность как средства коммуникации возможно большему числу носителей самых разных иных языков.

При такой политике каждому живущему на планете и мало-мальски говорящему по-английски будет «прощаться» неполное, или фрагментарное, знание английского за сам факт приобщения к нему? Ответ за будущей лингвоареальной лингвистикой и новой языковой картой мира.

эсперанто Европой не застало россиян врасплох» [Электронный ресурс. URL: http://www.e-novosti.info/blog/img/eksperta_konkludo.pdf . Дата обращения: 05.03.2009]

Евроанглийская терминология VS британская терминология
или евроанглийская + британская терминология
VS американская терминология

Полвека назад европейский английский ассоциировался только с британским вариантом. Отечественный англист и американист А.Д. Швейцер, изучавший различия между британским и американским вариантами английского языка, в своей докторской диссертации систематизировано сопоставил английский язык в Америке на всех языковых уровнях с английским языком в Великобритании [22], обосновав с системно-структурных позиций статус американского как варианта английского языка, но не как отдельного самостоятельного языка, – вопрос, о котором лингвисты разных стран спорили не одно десятилетие.

Большая вариативность терминологических предпочтений англоязычных во всем мире создает реальные проблемы межъязыкового взаимодействия. На данном этапе сформированности ЕАЯ целесообразно оптимизировать некоторые процессы восприятия и понимания как крупных текстовых структур, так и более мелких текстовых единиц, в частности, терминов, циркулирующих на пространстве правовой коммуникации, т.е. в сфере обмена отдельными юристами и целыми правовыми сообществами знаниями о текущем состоянии сферы их деятельности. Приведём лишь несколько примеров терминологической вариативности в современных отраслевых «английских языках»³ для иллюстрации необходимости систематизировать предпочтения англоязычных коммуникантов по ареалу и экспертным сообществам:

- сфера экономики (маркетология, реклама); предпринимательское право:
 - *ассортимент товаров*⁴ → (брит.) *product arsenal, product assortment, total product line*; (евроангл.) *product mix, product(s) portfolio, product lineup, product range, product offering*; (амер.) *merchandise mix, merchandise offering, sales mix*;
- правовая сфера (гражданский и арбитражный процесс):
 - *адвокат* → (брит.) *solicitor*⁵, *defence counsel, defence counselor*; (евроангл.) *defendant's counsel, defending counsel, defence lawyer*; (амер.) *attorney-at-law; defense attorney*;

³ Здесь и далее по тексту англо-английские и англо-русские соответствия приводятся на основе следующих двуязычных и многоязычных отраслевых словарей: [40; 41; 43; 44; 47].

⁴ В смысле *товарный ассортимент, товарная номенклатура (различные ассортиментные группы (разнообразные товары), предлагаемые производителем (продавцом) на рынок)*.

⁵ Употребляется и в американском варианте, но в другом значении – (амер.) *юрисконсульт, прокурор (в некоторых штатах)*.

- *групповые иски* → (брит.) *group action, group litigation*; (евроангл.) *class suit, class action lawsuit, representative litigation*; (амер.) *class action, class proceedings* (цит. по: [8, с. 11–12]).

Выделяя приоритеты англистики, А.Д. Швейцер, отмечал уже в середине 1970-х гг., что «особое внимание следует уделить изучению тех тематических групп лексических единиц, которые обнаруживают наибольшее сосредоточение различительных элементов, а также аналого-дивергентных цепочек» [22, с. 29]. В этом плане юридическая терминология видится по-настоящему необъятной областью исследований. При этом следует учитывать, что орфографическая вариативность в британском и американском вариантах, например, *чек* → (брит.) *a cheque*; (амер.) *a check*, давно не является новостью ни для единиц общеязыкового пласта лексики, ни для специальных языков. Вместе с тем, специальные языки, будучи изначально нетривиальны для освоения лингвистами, не столь быстро изучаются в части их лингвоареальной вариативности. Приведём примеры:

- *банкомат* → (брит.) *a cash machine, a cash dispensing machine; a cash dispenser; a cash-in dispenser*; (амер.) *an automated teller, an automated teller machine, ATM*;
- *рабочий день банка* → (брит.) *bank operation hours; operating hours, a bank's working day, a banking day*; (амер.) *a business day, a transaction day, banking hours, a bank's working non-weekday* (цит. по: [3, с. 285]).

Именно в связи с юридической речью, в частности, с общеправовой терминологией, уместно снова сослаться на А.Д. Швейцера:

«... различный состав лексико-семантических парадигм определяется не смысловой структурой опорного слова, а различной сегментацией семантического пространства, охватываемого данной парадигмой в АЕ и ВЕ⁶. Так, лексико-семантическая парадигма слова *lawyer* отличается тем, что, помимо общих для обоих вариантов компонентов (*counsel, attorney*), включает и такие локально маркированные единицы, как например, британцизмы *barrister* и *solicitor*. Противопоставление *barrister : solicitor* «адвокат, выступающий в любом суде : адвокат, выступающий только в судах низшей инстанции» специфично для ВЕ» [22, с. 25].

Рассматривая эти примеры А.Д. Швейцера, уместно привести следующее мнение отечественного терминоведа и ономаста А.В. Суперанской: «Полный объём значения понятия становится очевидным лишь из знания его места в системе понятий данной науки... Основным для термина оказывается не языковое значение слова, а логическая соотнесённость понятий, обозначаемых соответственными словами» [19, с.

⁶ АЕ и ВЕ – соответственно американский и британский варианты английского языка.

246]. В самом деле, вне юридической парадигмы дифференциация терминов неорганична и в большом числе случаев непонятна.

Исходя из мнения А.В. Суперанской, полагаем, что тщательное описание характеристик и ареальной вариативности всё более распространяющегося ЕАЯ можно оптимизировать, прибегнув к ракурсу англо-русского взаимодействия на пространстве ЕС. Рассмотрим следующие примеры. Так, наряду с терминами, обозначающими *внутреннюю* и *внешнюю торговлю*, и имеющими следующие принятые во всем мире терминологические ряды: *domestic / foreign trade* или *internal / external trade*, существуют также «евросоюзные» варианты – *inbound / outbound trade*. Помимо названного варианта указанные термины в ЕС имеют еще один вариант означивания:

- внутренняя торговля → *EU-intra trade*,
- внешняя торговля → *EU-extra trade*.

Таким образом, терминологические ряды для обозначения *внутренней торговли* выстраиваются следующим образом:

- английский вне ЕС: *internal trade, domestic trade*,
- ЕАЯ: *inbound trade, EU-intra trade*.

Терминологические ряды для обозначения *внешней торговли* выстраиваются следующим образом:

- английский вне ЕС: *external trade, foreign trade*.
- ЕАЯ: *outbound trade, EU-extra trade*.

Данный подход к лексикализации предметно-деятельностных контекстов сказывается на разных отраслевых номинациях. Так, в таможенном деле и таможенной статистике используется термин *home-bound freight*, означающий *обратный груз*.

Протяжённость приведённых выше рядов референтно тождественных номинативных образований с большой долей очевидности даёт возможность говорить о наличии проблемы коммуникативного взаимодействия не только в правовой среде, но и шире – в среде других экспертных сообществ. Подобная «веерность» (термин А.Д. Швейцера) номинативных альтернатив заметно осложняет смысловые поиски коммуникантов, делая нерутинными процессы восприятия и понимания отраслевой информации в виде сообщений и текстов. При этом следует выделить основную доминанту смыслопоисковой процедуры, которая сводится к установлению референтной тождественности того или иного термина или терминологического сочетания в конкретном фрагменте акта коммуникации.

Солидарное означивание правовых концептов в разных лингвоареалах

По нашим эмпирическим наблюдениям, существуют предпочтения в номинации для реалии *уголовный кодекс* – *penal code* (*брит., ев-*

роангл.), *criminal code* (амер.). Отметим, что к атрибутивной лексеме *penal* в последней версии электронного многоязычного словаря приводится помета «американский вариант английского языка» [47]. Вместе с тем, известный лингвострановедческий словарь «Американа» не содержит ни одной словарной статьи на *penal*, что указывает на отсутствие частотности слова в американском варианте [38]. Авторитетный британский лексикографический источник даёт одно примечание к комбинаторным сочетаемым вариантам с элементом *criminal* (*a career criminal* (амер.) vs. *a hardened criminal* (брит.)) и глагольной лексеме *criminalize* в части её произносительных особенностей в американском варианте [46, р. 346]. Данные обстоятельства говорят об органичной для англофонов параллельной номинации в языке права (подробнее об этом см. [7; 8]).

Приведём ещё один наглядный пример параллельно существующих номинаций в юридической речи, присущей представителям правовой профессии в англофонном мире:

- *коллективный трудовой договор, коллективное трудовое соглашение (между заинтересованными группами по любому вопросу) → collective agreement, collective bargaining contract, collective bargaining agreement, collective arrangement и collective bargaining; collective labour agreement, collective labour contract.*

Лингвоареальные специальные номинации:
драматизировать или игнорировать?

Существующая параллельная номинация в языке права усугубляет сложности, объективно присущие правовой коммуникации: наличие в разных странах разных правовых систем, правовых традиций и практик правоприменения. Представляется, что ситуация с правовой коммуникацией может развиваться только в сторону драматизации из-за многократного увеличения специальных номинаций в языке права, вызванного стремительным «расползанием» юридической терминологии по вариантам английского языка. Но это обстоятельство объяснимо, если учесть мнение, которое предложили отечественные лингвисты-терминологи, изучавшие общетеоретические вопросы терминосистем: «Внутри специальных областей знания происходит непрерывное пополнение и обновление лексического состава, намного опережающее развитие общей лексики, где не ощущается такой острой необходимости в форсированном развитии словарного состава» [20, с. 81].

Наличие альтернативных форм означивания одного и того же предметного смысла способно стать серьёзной коммуникативной проблемой в любой сфере взаимодействия экспертных сообществ. Когда эксперты объективируют предметный смысл, используя одни единицы специальной лексики и терминологии, исходя из собственных предпоч-

тений или иных экстралингвистических факторов, включая сложившиеся номинативные традиции, другие существующие единицы – сосуществующие параллельные номинации – не получают распространения, теряя день ото дня частотность употребления в правовой коммуникации, но не теряя, тем не менее, своей «прописки» в языке права. В этом случае можно предположить с немалой долей вероятности некоторые конфликты «за право быть употребленными» между единицами плана выражения. При коллизии альтернативных единиц номинации, которые могут происходить в связи с личностными предпочтениями коммуникантов, объяснительную силу доказательно демонстрирует концепция доктора психологии Н.А. Алмаева. В частности, Н.А. Алмаев оценивает субъективное восприятие в терминах соразмерности сходных и предметно-пересекающихся профессиональных картин мира и рассматривает процессы денотации на экспериментальном материале, что даёт ему право квалифицировать мнения коммуникантов как «суверенные экспертизы» [1, с. 65].

При таком понимании речевых предпочтений, взаимосвязанных с речевыми портретами коммуникантов и их национально-правовыми традициями, в том числе номинативными, а также коммуникативной средой осуществления взаимодействия, употребление одного термина-синонима из небольшого синонимического ряда может не представлять коммуникативной проблемы, однако употребление одного синонима, представляющего протяженный синонимический ряд, может быть чревато возникновением коммуникативной напряжённости и неприятия положений, вынесенных коммуникантами в конкретном правовом дискурсе.

В заключение отметим, что названные обстоятельства могут быть успешно преодолены в случае осознания юристами-коммуникантами онтологического свойства естественных языков, в том числе практики специальной номинации, существующей в юридической речи в её взаимосвязи с правовой культурой и правовой традицией. Данное свойство выражается в наличии более чем одной единицы языкового кода для именованного того или иного предмета, события, явления или состояния реального или возможного мира. Обоснование такой онтологической особенности профессиональными юристами-практиками и правоведами-теоретиками будет содействовать более продуктивному профессиональному диалогу и взаимодействию на пространстве правовой коммуникации.

Список литературы

1. Алмаев Н.А. Где находится денотат? // Язык и сознание: психолингвистические аспекты : сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Уша-

- ковой. – М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2009. – С. 62–67.
2. Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология [Текст] / В.А. Виноградов, А.И. Коваль, В.Я. Пархомовский. – 3-е изд. – М.: ИД «Либроком», 2009. – 136 с.
 3. Власенко С.В. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский–русский [Текст] / С.В. Власенко. = Vlasenko, Svetlana. Contract Law: Professional Translation Practices in the English–Russian Language Pair : учебник для юрид. и лингв. вузов по спец. «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и «Юрист–переводчик». – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 320 с.
 4. Власенко С.В. Отраслевой перевод: синонимизация терминологии как метод компенсации системного диссонанса англо–русских терминосистем // Теория и практика лексикологических исследований. – Вестник МГЛУ. – Вып. 532. Серия «Лингвистика». – М.: Рема, 2007. – С. 171–183.
 5. Власенко С.В. Прагматический аспект текстовосприятия в англо–русском отраслевом переводе // Лексическая системность английского языка в культурологическом ракурсе (семантика и функционирование). – Вестник МГЛУ. – Вып. 537. Серия «Лингвистика». – М.: Рема, 2007. – С. 208–221.
 6. Власенко С.В. Англо–русский квазиперевод или тотальный языковой импорт англицизмов в современный русский язык // Мир русского слова. – 2009. – № 1. – С. 20–29.
 7. Власенко С.В. Синонимия и полисинонимия как феномен избыточности терминологических систем отраслевых субъязыков: англо–русские переводческие сопоставления // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Баженовой; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. – Вып. 13. – С. 279–292.
 8. Власенко С.В. Правовые тексты: «ловушка» кореферентности отраслевой терминологии // Вестник Тверского государственного ун-та. Серия «Филология». – 2011. – № 4. – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 5–20.
 9. Данн Дж.А. Политтехнолог – это тот же spin doctor? А как будет по–английски фейсконтроль? Несколько замечаний по поводу безэквивалентной и псевдоэквивалентной лексики в новом русском языке [Текст] / Дж.А. Данн // Русский язык за рубежом. – 2007. – № 6. – С. 33–50.
 10. ЕЛВЕ 2010: «Евролингвистика во внутриевропейской и глобальной перспективе» : междунар. конф. «Язык и общество в современной России и других странах» (Москва, 21–26 июня 2010 г.) / РАН. Ин-т языкознания, Научно-исследовательский центр по национально–языковым отношениям [Электронный ресурс: <http://www.iling->

- ran.ru/conferences/2010_yazyk_i_obschestvo/programme.pdf Дата обращения: 24.08.2010].
11. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка [Текст] / В.И. Заботкина. – М.: Высшая школа, 1989. – 125 с.
 12. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
 13. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва [Текст] / М. Кронгауз. – М.: Знак: Языки славянской культуры, 2008. – 232 с.
 14. Орлов Г.А. Современный английский язык в Австралии [Текст] / Г.А. Орлов. – М.: Высшая школа, 1978. – 172 с.
 15. Ощепкова В.В. Слова-реалии австрализмы как образные наименования // Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук. В.В. Ощепковой, А.С. Петриковской [Текст] / В.В. Ощепкова. – М.: Русский язык, 1998. – С. 21–24.
 16. Петриковская А.С. Австралия и Новая Зеландия: Черты культурного облика // Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под ред. В.В. Ощепковой и А.С. Петриковой [Текст] / А.С. Петриковская. – М.: Русский язык, 1998. – 216 с.
 17. Портнов А.Н., Смирнов Д.Г. Языковое сознание и семиотическое измерение глобализационных процессов // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты / под ред. Н.В. Уфимцевой [Текст] / А.Н. Портнов, Д.Г. Смирнов. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 29–36.
 18. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак. Лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации [Текст] / И.В. Привалова. – М.: Гнозис, 2005. – 472 с.
 19. Суперанская А.В. Общая терминология. Терминологическая деятельность / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 1993. – 288 с.
 20. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории [Текст] / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – 5-е изд. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.
 21. Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США [Текст] / А.Д. Швейцер. – М., 1963. – с.
 22. Швейцер А.Д. Различительные элементы американского и британского вариантов современного литературного английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / АН СССР. Ин-т языкознания [Текст] / А.Д. Швейцер. – М., 1966. – 33 с.
 23. Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Высшая школа, 1971. – 200 с.
 24. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы [Текст] / А.Д. Швейцер. – М., 1977.

25. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
26. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / пер. с итал. и прим. А. Миролюбовой [Текст] / У. Эко. – СПб.: «Александрия», 2009 (1993). – 423 с. (Серия «Становление Европы»).
27. *Baugh, A.C., & Cable, T. A History of the English Language. – 3-d ed, rev.–London: Henley & Boston: Routledge & Kegan Paul, 1978. – 438 p.*
28. *Crystal, D. Language Death. – Cambridge Univ. Press, 2000. – 198 p.*
29. *Crystal, D. English as a Global Language. – 2nd ed. – Cambridge University Press, 2004. – 212 p.*
30. *CGEL 1986: A Comprehensive Grammar of the English Language. By Quirk Randolph, Greenbaum Sidney, Leech Geoffrey, Svartvik Jan. – New York: Longman Group Ltd., 1986. – 1780 p.*
31. *EWL 1985: English as a World Language / Ed. by Richard W. Bailey & Manfred Görlach. – The University of Michigan Press, 1985. – 496 p.*
32. *Foley, J.A. English in New Cultural Contexts. – New York: Oxford University Press, 1999.*
33. *Görlach, M. Dictionary of European Anglicisms. – London: Oxford University Press, 2001.*
34. *Görlach, M. English Words Abroad // Terminology and Lexicography Research and Practice Series. – Netherlands, 2003. – P.163–167.*
35. *HVE 2004: A Handbook of Varieties of English: a Multimedia Reference Tool. In 2 Vols. / Ed. by B. Kortmann, E.W. Schneider., K. Burrige, R. Mesthrie, & C. Upton. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004. – Vol. 1: Phonology. – 1172 p.; Vol. 2: Morphology and Syntax. – 1229 p.*
36. *Kirkpatrick, A. The European Union (EU) and English // A. Kirkpatrick. World Englishes. Implications for International Communication and English Language Teaching. (Hong Kong Inst. Of Educ.) – Cambridge Univ. Press, 2007. – 257 p.*
37. *Schneider, E.W. Englishes Around the World. – Amsterdam: John Benjamins, 1997. – 358 p.*

Словарно-энциклопедические издания

38. АМЕРИКАНА 1996: Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. проф. Г.В. Чернова. М., 1996. – 1186 с.
39. АНЗ 1998: Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук. В.В. Ощепковой, А.С. Петриковской. – М.: Русский язык, 1998. – 216 с.
40. БАРФЭС 2000: Большой англо-русский финансово-экономический словарь / авт.-сост. А.Г. Пивовар. – М.: Экзамен, 2000. – 1064 с.
41. БАРЮС 2003: Большой англо-русский юридический словарь / авт.-сост. Пивовар А.Г. – М.: Экзамен, 2003. – 864 с.

42. ВЛС 1980: Великобритания. Лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык, 1980.
43. НАРБЭС 2001: Новый англо-русский банковский и экономический словарь / авт.-сост. Б.Г. Федоров.– СПб.: Лимбус Пресс, 2001.– 838 с.
44. ФС 2005: Финансовый словарь. В 2-х тт. / авт.-сост. В.Я. Факов. – М.: Международные отношения, 2005. – Т. I. Англо-русский словарь. – 728 с.; Т. II. Русско-английский словарь. – 496 с.
45. CEEL 1995: The Cambridge Encyclopedia of the English Language / Crystal D., Cambridge: Cambridge University Press, USA, 1995. – 490 p.
46. OALDCE 2003: Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Ed. by S. Wehmeier; Phonetics / Ed. M. Ashby. – 6-th ed. – Oxford University Press, 2003. – 1791 p.

Электронный ресурс

47. ABBYY 2006: ABBYY LINGVO 12: Electronic Multilingual Dictionary. – ABBYY Software Ltd., 2006. www.Lingvo.ru

**LEGAL COMMUNICATION
IN THE AREAL LINGUISTICS PERSPECTIVE:
THE EURO-ENGLISH LEGALESE**

S.V. Vlasenko

Higher School of Economics National Research University, Moscow

The article reviews legal communication across the contemporary linguistic areal of the English language, including such variants as Euro-English. Legal terminology is exemplified to show co-existing legal expert communities' preferences and tendencies in parallel nomination. So doing allows for capturing British, American and Euro-English legal traditions echoed by respective naming traditions manifested through terminological wording parallels.

Keywords: *Euro-English, legal communication, legalese, legal terminology, new Englishes, terminological parallels*

Об авторе:

ВЛАСЕНКО Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент факультета права Национального исследовательского ун-та «Высшая школа экономики» при Правительстве РФ (НИУ ВШЭ),
e-mail: svetsign@stream.ru